

Александра Залевская

"Homo loquens" и современная наука о человеке

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 453-468

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДРА ЗАЛЕВСКАЯ
Тверской государственный университет

***HOMO LOQUENS* И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ**

Вводные замечания

Проблема *HOMO LOQUENS* издавна привлекает внимание исследователей. Ниже делается попытка, во-первых, показать, что рассмотрение этой проблемы в разных ракурсах в значительной мере связано с общими тенденциями развития мировой науки, а во-вторых – обосновать неизбежность перехода на новый уровень научных изысканий, акцентирующий важность целостного подхода к говорящему ЧЕЛОВЕКУ, поскольку человек говорящий является в то же самое время и человеком думающим, познающим мир, эмоционально-оценочно переживающим воспринимаемое и к тому же постоянно включённым в определённые взаимодействия с окружающим миром – в естественную и социальную среду.

1. Некоторые общие тенденции развития мировой науки

Детальное рассмотрение этого вопроса потребовало бы написания монографии, поэтому затрону только те положения, которые представляются наиболее существенными для дальнейшего хода рассуждений по проблеме *HOMO LOQUENS*.

Прежде всего вспомним, что после первоначального становления науки в концепциях философов-энциклопедистов имела место всё более дробная дифференциация наук, что со временем привело к осознанию необходимости объединения усилий представителей разных областей знаний для разработки новых теорий высокой объяснительной силы. В XX веке особую роль для интеграции наук следует отнести идеям кибернетики, а в гуманитарной сфере – когнитивной науке, фокусирующейся на широком круге проблем, так или иначе связанных с человеком¹.

¹ См. подробно: А. А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, 2-е изд., Москва 2007, с. 45–47.

Наряду с интеграцией наук, объединяемых общими целями, к числу важных тенденций развития мировой науки можно также отнести динамику общенаучных метафор, направляющих то или иное видение исследуемых объектов, и некоторые существенные изменения в самосознании науки, связанные с переходом от неклассической стадии развития науки к её постнеклассической стадии. Так, на смену господствовавшей в своё время «машинной» метафоре пришла метафора «информационная», которая переросла сначала в «компьютерную», а затем – в «мозговую» метафору, т.е. менялся базовый ракурс, направлявший разработку гипотез относительно структуры, организации и принципов функционирования объектов, не поддающихся прямому наблюдению. Смена таких метафор была обусловлена развитием науки и техники, например, становлением идей кибернетики, разработкой общей теории связи и общей теории систем для перехода к информационной метафоре, достижениями в области электроники для перехода к компьютерной метафоре, мощным прорывом в области нейронаук и искусственного интеллекта для становления мозговой метафоры.

Следует особо подчеркнуть, что каждая из таких метафор, с одной стороны, имеет определенные преимущества по сравнению с предшествующей, но в то же время провоцирует некоторую предвзятость рассмотрения объекта, что служит основанием для очередного «отрицания отрицания» – диалектического перехода к новой метафоре, преодолевающей замеченный недостаток и фокусирующейся на новом ракурсе видения исследуемого объекта. В качестве примера можно отметить, что на смену акцентированию внимания на всеобщности информационных процессов, их вероятностных особенностях и алгоритмичности пришло понимание специфики мозговой деятельности, что, в свою очередь, требует признания того, что мозг работает во взаимодействии с телом человека, включенного в определённую физическую и социокультурную среду, а это позволяет прогнозировать последующий переход к метафоре «живого знания»² как исходной для интеграции гуманитарных и естественных наук в решении задач разностороннего изучения ЧЕЛОВЕКА, в том числе – ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО.

Из числа изменений в самосознании науки, связанных с переходом от неклассической стадии развития науки к её постнеклассической стадии, следует особо отметить признание множественности оснований, средств

² См. подробно: А. А. Залевская, *Значение слова через призму эксперимента*, Тверь 2011, с. 16–24.

и путей познания, правомерности разработки разных теорий, каждая из которых отвечает избранной системе постулатов (исходных координат)³.

К сказанному выше можно добавить, что независимо от той или иной исходной системы постулатов современное научное исследование человека не может не учитывать поступательного развития разных областей науки, предлагающих идеи общетеоретической значимости (типа синергетики, адаптивных самоорганизующихся систем, теорий хаоса, теорий струн и т. д.), не говоря уже о целостности человека, к тому же существующего на пересечении четырёх взаимосвязанных и взаимопересекающихся сфер: биосферы, социосферы, психосферы и ноосферы. Это имеет непосредственное отношение к тому, каким образом в лингвистических исследованиях рассматриваются вопросы, так или иначе связанные с тем, что принято называть «фактором человека».

2. «Фактор человека» в лингвистических исследованиях

Конец 80-х гг. прошлого столетия в России ознаменовался тем, что издательство «Наука» начало публикацию серии книг под общей рубрикой «Роль человеческого фактора в языке». В предисловии к открывающей эту серию коллективной монографии⁴ с подзаголовком «Язык и картина мира» указано, что основной рассматриваемой в ней проблемой является отображение картины мира в языке, деятельность человека в языке; при этом подчеркивается: «В книге фигурирует самый обыкновенный, естественный человек, ... – создатель живых, естественных – обыденных языков»⁵. Отмечается также, что «В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык, и 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру»; именно проблемам первого «круга» посвящена упомянутая книга⁶: К числу таких проблем отнесены: трактовка понятия «картина мира», роль картины мира в жизнедеятельности человека и особенности отражения картины мира в языке, в первую очередь

³ Проблема самосознания науки со ссылками на литературу обсуждается в работе: А. А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, 2-е изд., Москва 2007, с. 40–44; обоснование необходимости чёткого следования избранной системе координат, т.е. категориальному полю используемых терминов, см.: А. А. Залевская, *Значение слова через призму эксперимента*, Тверь 2011, с. 61–64.

⁴ *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова др., Москва 1988.

⁵ Там же, с. 6.

⁶ Там же, с. 9.

– в лексике; рассматривается также роль словообразования и метафоризации в формировании языковой картины мира.

Непосредственным продолжением названного выше коллективного труда явилась монография Б. А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление»⁷, где наряду с раскрытием роли грамматического строя в отображении языковой картины мира и процессов заимствования и взаимовлияния языков уделяется внимание ряду происходящих в языке процессов и действующих имманентных законов (в том числе – зависимости языка от общества и наличия внутренних, независимых от общества, языковых законов).

Из числа более поздних публикаций этой серии можно назвать книгу «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности»⁸, подготовленную авторским коллективом под руководством В. Н. Телия. В некотором противоречии с подзаголовком о языковых механизмах в аннотации книги говорится, что основное внимание в ней уделяется языковым средствам, в которых выражено отношение субъекта речи к обозначаемому, и языковому выражению чувств-переживаний в диапазоне одобрения/неодобрения обозначаемого. Уточняется, что действующим лицом в предлагаемой публикации выступает языковая личность, а полем деятельности является выражение в коммуникации оценочно-эмоционального отношения говорящего к сообщаемому.

Не имея возможности более или менее подробно обсуждать содержание этих и подобных им изданий, отмечу, что они были подготовлены в противовес гипостазированию некоторыми авторами социальной функции языка. Названная серия публикаций была ориентирована на разработку целостного представления о роли человека в языке; делались попытки повернуть науку о языке лицом к пользующемуся языком человеку. В этом состоит заслуга учёных, которые не только возродили некоторые идеи В. Гумбольдта, А. А. Потебни и других мыслителей прошлого, но и ставили задачу развить эти и смежные с ними идеи с позиций современности. Следует особо подчеркнуть, с одной стороны, дискуссионный характер ставившихся в упоминаемых книгах вопросов, злободневность которых стала особенно ощутимой в наши дни, а с другой – последовательную опору на фундаментальные труды российских и зарубежных ученых, на результаты анализа языковых фактов как в синхронии, так и в диахронии, в русле широких межъязыковых сопоставлений.

⁷ Б. А. Серебренников, *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*, Москва 1988.

⁸ *Роль человеческого фактора в языке: Языковые механизмы экспрессивности*, Москва 1991.

Появление книг названной серии во многом определило направление языковедческих научных изысканий на последующие годы. За истекшие четверть века защищено множество диссертаций, опубликовано необозримое количество работ монографического типа, статей и тезисов докладов, где в качестве ключевых фигурируют термины «человеческий фактор в языке» и «языковая картина мира». Подавляющее большинство таких публикаций посвящено исследованию языковой картины мира как реализации человеческого фактора в языке. Однако имеются и работы, в которых «фактор человека» понимается несколько иначе, что делает актуальной попытку разобраться в создавшейся ситуации с учётом тенденций развития мировой науки, при этом – не только лингвистики, но и некоторых других наук, так или иначе связанных с человеком. Следует уточнить, что речь идет не об обзоре имеющихсяopusов, а лишь о некоторых предварительных общетеоретических соображениях, которые могут оказаться полезными для дальнейшего более серьёзного обсуждения ставящихся вопросов.

Прежде всего обратим внимание на то, что из двух кругов проблем, которые (согласно приведённому выше определению) находятся в центре внимания ориентированной на человека лингвистики, исследования последующих лет остались преимущественно в рамках того же первого круга проблем (т.е. определения того, как человек влияет на язык) с сохранением той же трактовки роли фактора человека в языке и с преобладанием работ на материале лексики того или иного языка. Поэтому далее речь пойдет именно о вопросах, связанных со словом. Были ли исходная теория и применявшиеся исследовательские процедуры адекватными формулируемым задачам? Не происходило ли подмены понятий, вполне естественной в случаях, когда желаемое принимается за действительное?

Начнем с того, что если декларируется, что «В книге фигурирует самый обыкновенный, естественный человек, ... – создатель живых, естественных – обыденных языков»⁹, то почему же обсуждение анализируемых языковых фактов и закономерностей проводится в строгом соответствии с категориями и постулатами, выведенными для иных целей из философских и лингвистических исследований языка как системно-структурного образования, при анализе которого живой человек фактически «выносится за скобки»? По логике вещей, для решения задач, непосредственно связанных с человеческим фактором в языке, требуется иной теоретический подход, ориентированный не на язык как

⁹ См. сноску 5.

самодостаточную сущность, развивающуюся и функционирующую по собственным, независимым от человека законам, а на язык как достояние пользующегося им индивида со всеми вытекающими отсюда характеристиками и следствиями. Речь идет о «системе координат», направляющей: а) разработку исходной теории, соответствующей поставленным целям; б) формулирование рабочих гипотез; в) необходимый для проверки таких гипотез выбор исследовательских процедур, адекватных конкретным задачам; д) интерпретацию полученных результатов в соответствии с принципами принятой за основу теории.

Сказанное становится особенно актуальным в условиях сдвига приоритетов, когда фактически на смену двум названным выше целям исследования «человеческого фактора» (т.е. влияния человека на язык и языка на человека) пришла необходимость фокусироваться на глубинных механизмах общения, в том числе в условиях социальных и межэтнических контактов и взаимодействий. Чтобы понять и объяснить работу таких механизмов, требуется трактовки языка в новом ракурсе, т.е. смена ведущей цели научного исследования неизбежно влечёт за собой смену исходной парадигмы.

То, что антропоцентрическая ориентация исследования не может оставаться в рамках традиционных лингвистических постулатов и методов, стало ощущаться довольно давно. В российской науке это проявилось через постепенное расширение круга используемых терминов, изменение характера рассматриваемых материалов, привлечение идей и результатов исследований из смежных с лингвистикой наук, прежде всего – психологии и психолингвистики. Тем не менее набор исходных теоретических положений, в рамках которой анализируется полученный иными методами материал, остаётся прежним, а в новые термины вкладывается привычное (надёжное) содержание. В качестве примеров можно назвать хотя бы следующие: (1) широкое использование ассоциативного эксперимента, материалы которого анализируются с позиций строгой трактовки системы и нормы, в то время как речь должна идти о глубинных основаниях для связи, многообразие которых не может быть учтено и описано в прокрустовом ложе лингвистических постулатов; (2) ставшее признаком «современности» исследования почти обязательное оперирование термином «концепт», который на деле приравнивается к понятию, привычно анализируемому с точки зрения необходимых и достаточных признаков без выхода за пределы опоры на словарные дефиниции.

Подзаголовок первой книги из упомянутой выше серии («Язык и картина мира») в дальнейшем потребовал конкретизации, что со временем фактически вылилось в параллельное развитие двух направлений исследований: одно из них описывает языковую картину мира,

зафиксированную в общенациональном языке (словарях, текстах), а другое – образ мира у индивида, далеко не полностью отображаемый языковой картиной мира, поскольку для пользующегося языком человека общеязыковая картина мира является лишь медиатором, промежуточным средством познания и общения, более того – одним из разнообразных «инструментов» формирования индивидуального образа мира. Это в определенной мере согласуется мнением Серебренникова: «Следует различать две картины мира – концептуальную и языковую. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира...»¹⁰, но далее высказывается предположение: «... поскольку в её образовании, по всей видимости, участвуют различные типы мышления»¹¹. Такое уточнение представляется недостаточным в свете единой теории психических процессов, с позиций которой язык может функционировать только при взаимодействии со всеми другими психическими процессами и к тому же при непосредственном участии тела человека¹². Заметим, что термин «концептуальная картина мира» стал особенно широко использоваться в последние годы, однако нередко создается впечатление прямого отождествления всего «концептуального» с описываемой словарями системой значений слов.

Возвращаясь к этим двум направлениям исследований, уточним, что в первом случае строится описательная модель языка, хорошо согласующаяся с используемой лингвистикой системой категорий и закономерностей, присущих языку как общественному явлению, а во втором – разрабатывается новая система координат, ориентированная работающую модель языка как достояние человека и требующая оперирования понятиями «образ мира», «образ сознания» и т.п.

Обратим внимание на то, что при внимательном изучении работ российских лингвистов (в том числе А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, М. М. Покровского, И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого) мы то и дело прослеживаем «выход» на интереснейшие наблюдения, непосредственно связанные с функционированием языка у пользующегося им индивида. Однако представления о лингвистических учениях прошлого, как правило, формируются на основе оценок, которые в свое время давались представителями «официальной науки» и до сих пор прилежно воспроизводятся в публикациях или пересказываются в лекциях. Дело в том, что на суждения о достоинствах того или иного учения обычно смотрят с позиции господствующих

¹⁰ Б. А. Серебренников, цит. раб., с. 107.

¹¹ Там же.

¹² См. обсуждение этого вопроса: А. А. Залевская, *Телесность/корпоральность и значение слова* [в:] *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*, Москва–Барнаул 2004, вып.8, с. 93–101.

в соответствующий период приоритетов, что заставляет видеть одно и в упор не замечать (или, более того, ругать) другое, не отвечающее задачам текущего времени. Именно этим объясняются поиски оснований для заключения о понимании русскими языковедами языка как системы или для популярных в свое время обвинений Потебни в «психологизме в языкознании» и т.д. и т.п. Как бы то ни было, корифеи российского языкознания не только «оказали огромное влияние на формирование современных структуралистских течений, например Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка»¹³, но и подготовили условия для формирования концепции Л. В. Щербы¹⁴, фактически выделившего четыре аспекта языковых явлений и указавшего на особую роль речевой организации индивида как продукта своеобразной переработки языкового материала – обязательного условия и самой возможности речевой деятельности, и её проявления как в языковом материале, так и в выводимых из последнего языковых системах (словарях и грамматиках языка).

Необходимо также указать на то, что концепция Ф. де Соссюра, в свое время безоговорочно принятая в России как «руководство к действию» и до сих пор лежащая в основе требования последовательного соблюдения «чистоты лингвистического подхода» к анализу языковых явлений, с самого начала дала импульс для размышлений, которые фактически привели не только к разработке иных теорий структуралистского направления, но и к возникновению таких научных течений, как постструктурализм, постмодернизм и т.д. На самом деле противодействие идеям структурализма началось параллельно с освоением/осмыслением базовых положений концепции Соссюра. Так, уже в 1919 г. Г. Гийом предложил вариант структурализма, который трактуется как одна из первых попыток создания постструктуралистской концепции языка и соединения в одной «языковой игре» семиотических кодов психологии и лингвистики. При обсуждении этого вопроса¹⁵ отмечается, что Гийом стал вводить понятия из области психологии на 30 лет раньше, чем постструктурализм Лакана и Делеза; он дал обоснование гипотезы, согласно которой в основе и языка, и речи лежат психомеханизмы, и сделал попытку уйти от замкнутого на самого себя языка в структурализме, что впоследствии выразилось в постструктурализме в таких понятиях, как контекстуализм и универсальная текстуальность.

¹³ Ф. М. Березин, *Русское языкознание конца XIX – начала XX в.*, Москва 1976, с. 7.

¹⁴ Л. В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград 1974.

¹⁵ *Новейший философский словарь*, Минск 2003, с. 244–245.

Попытки выйти на разнообразные проявления «фактора человека» и построить теорию языка, способную объяснить его реальное функционирование, заставляют исследователей идти разными путями, опираясь на опыт мировой науки о человеке. Например, Ю. Кристева обращается к психоанализу для изучения «похороненной в постструктурализме и постмодернизме человеческой субъективности»; она критически анализирует теоретические положения учений Соссюра и Ч. Пирса, разрабатывая концепцию «семанализа» как одного из вариантов теории значения, которая с «необходимостью должна быть теорией говорящего субъекта»¹⁶. Следует особо отметить, что в центре внимания Кристевой оказались специфические практики означивания, используемые говорящим субъектом, и соответствующие им лингвопсихологические процессы, что на самом деле непосредственно выводит на реальное функционирование естественного языка у его пользователей. Заметим также, что с опорой на идеи структурного психоанализа Лакана Кристева «ввела в область семиотики такой (прежде инаковый ей) объект как телесность и предложила рассматривать последнюю с точки зрения ее знаковости»¹⁷. Такой выход за рамки лингвистических постулатов вполне естественно привел Кристеву к обоснованию необходимости семанализа как междисциплинарного подхода, который должен реализоваться на стыке философии структурализма, психоанализа, лингвистики и семиотики, что в принципе отличает её подход от стремлений других авторов любым способом сохранить чистоту лингвистики.

Можно проследить две ведущие тенденции в стремлении ученых преодолеть ограниченность традиционного подхода к анализу языковых явлений, основывающегося на логике истинности и трактующего язык как самодостаточную сущность. Это либо попытки каким-то образом примирить традиции и новые веяния в науке, учесть смещение акцентов с письменной речи на устную, на употребление языка, с языка на речь и далее – на дискурс при всё усиливающейся аксиологической ориентации, либо громко объявляемая «революционность» новых идей, вытекающих из ревизии классической западноевропейской философской традиции.

Так, стремление сочетать структурализм с прагматикой прослеживается в «интегрированной прагматике» О. Дюкро, которая подробно обсуждается Н. П. Анисимовой¹⁸ и трактуется как редчайшая попытка «привить» к структуралистской модели иной понятийный аппарат; как

¹⁶ Там же, с. 517–519.

¹⁷ Там же, с. 519.

¹⁸ Н. П. Анисимова, *Интегрированная прагматика О. Дюкро*, «Вестник Тверского государственного университета» 2005, № 1 (7), с. 3–12.

доминирование коммуникативного аспекта, «привитого» к традиционным центрам интереса структурализма (может быть следует в подобном случае говорить о попытке «поженить» структурализм с прагматикой?). Дюкро ставит задачу построить семантическую модель, не связанную условиями истинности и не замыкающуюся на абстрактной структуре языка, но в то же время его беспокоит необходимость «предать Соссюра», к тому же он отказывается от возможности использования при лингвистическом анализе и описании языка понятий, которые разработаны другими науками для других целей. Но разве динамика разработки и дальнейшего развития теории может трактоваться как предательство некоторой исходной идеи? Всею своё время: концепция Соссюра выполнила свою роль на соответствующем этапе и сохраняет значимость в качестве определённого ракурса видения языка как объекта исследования. Однако на научную арену вышел иной ракурс, нащупанный тем же Дюкро хотя бы в связи с попыткой описать «первичный семантический уровень» и преодолеть «каноническое табу на введение человеческого фактора в анализ»¹⁹.

«Революционные» устремления хорошо прослеживаются в работах представителей течений, которые принято квалифицировать как «постструктурализм» и «постмодернизм» (теперь уже говорят и о «пост-пост...»), а также в разрабатываемых в последние годы концепциях корпоральной семантики, семантики опыта и выводного знания, семантических сетей – «конstellаций» всего, что стоит за словом у человека, аутопойезиса, биологического подхода к языку и значению слова и т.д.²⁰.

Обратим внимание на то, что делаются попытки, с одной стороны, найти виновных в уходе лингвистики от пользующегося языком человека²¹, а с другой – наметить возможные пути реального возвращения к тому, без кого человеческий фактор в языке вообще теряет смысл, и к тому, без чего человек не смог бы вообще функционировать в природе и обществе. Всё это свидетельствует о том, что назрела необходимость теоретического пересмотра ряда фундаментальных понятий в свете новой трактовки «фактора человека» с позиций современного подхода к языку

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Н. Ruthrof, *Semantics and the body: Meaning from Frege to the postmodern*, Toronto 1997; Н. Ruthrof, *The body in language*, London–New York 2000; P. Violi, *Meaning and experience*, Bloomington 2001; С. Hardy, *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*, Westport, Connecticut – London 1998; У. Матурана, Ф. Варела, *Древо познания: биологические корни человеческого понимания*, Москва 2001; Й. Злагов, *Значение = жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения*, в: *Studia Linguistica Cognitiva*, Москва 2006, с. 308–361; J. Hellevig, *A Biological Philosophy*, Helsinki 2010.

²¹ См., например: А. Damasio, *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*, New York 1995; Н. Ruthrof, *Semantics and the body: Meaning from Frege to the postmodern*, Toronto 1997; Н. Ruthrof, *The body in language*, London–New York 2000.

с учетом новейших тенденций развития мировой науки в направлении разработки концепций, ориентированных на целостное видение природы и человека, человека и космоса, на трактовку хаоса как своеобразного порядка и т.д.

3. Возможный подход к рассмотрению фактора человека в действии

К числу важнейших оснований для возвращения к живому человеку при обсуждении проблемы HOMO LOQUENS относится, например, необходимость выявления специфики референции в языке, речи и языковом сознании.

Известно, что теории референции первоначально разрабатывались в логике, а имевшее место разграничение теории значения и теории референции привело к фокусированию на референции идентифицирующего типа и переводу ее в русло прагматики с учетом коммуникативной установки говорящего, фонда знаний собеседников, контекста и т.д. Чрезвычайно важным представляется то, что результатом эволюции теорий референции явилось разграничение референции говорящего, которая определяется контекстом и намерением автора речи (т.е. принадлежит прагматике), и семантической референции, которая определяется языковой конвенцией: произошел сдвиг акцента с логико-философской трактовки отношения между объектами в сторону пользователей языковым выражением и ситуации общения с учётом того, что в реальности референция осуществляется не совсем так, как это трактуется семантической, номинативной, дейктической теориями референции.

Заметим, однако, что путь к пользующемуся языком человеку оказался пройденным лишь частично: при декларировании актуальности антропоцентрического подхода к исследованию языковых явлений наука тем не менее остановилась на разграничении референции в языке и речи, не задавшись вопросом: каковы же особенности референции в языковом сознании (и подсознании!) индивида? Вполне понятно, что понимание речи и взаимопонимание в дискурсе могут состояться и быть успешными только при условии, если произошла идентификация того, о чем идет речь. Каков же механизм идентифицирующей референции, которую индивид осуществляет прежде всего «для себя», независимо от того, имеют ли место процессы говорения или понимания речи? Поскольку названные процессы вовсе не являются «зеркальными» (говорящий знает, о чем он сообщает, а слушающий фактически решает задачу понимания на базе «расплывчатого множества», в качестве которого выступает содержание презентруемого ему текста сообщения, нередко требующего выбора из

ряда альтернатив с опорой на разнообразные выводные знания), становится очевидной необходимость целенаправленной разработки теории референции в новом ракурсе. Понятие «семантической референции» разработано с иных позиций, поэтому соотношение между семантической референцией и референцией слушающего не может трактоваться как «потенция – реализация». В то же время вполне очевидно, что «референция говорящего» и «референция слушающего» (как и «референция мыслящего») обеспечиваются некоторой единой базой, формирующейся у индивида в процессе познания и формирования образа мира, в том числе (но не исключительно) – через общение; отсюда вытекает предположение, что «референция для себя» и «референция для других» обеспечиваются некоторыми общими механизмами, но различаются стратегиями и опорами при функционировании этих механизмов.

Поскольку общение опосредуется языковыми знаками, мы тем самым выходим на проблему семиозиса как операции, приводящей к установлению соответствия между означаемым и означающим знака. Для того чтобы можно было последовательно обсуждать взаимодействие процессов, стоящих за рассматриваемыми терминами, требуется разграничить общетеоретические рассуждения о такой операции и реализацию подобной операции индивидом через обращение к его языковому сознанию. Поскольку речь далее идет о второй из названных ситуаций, представляется возможным называть её спонтанным (естественным) семиозисом.

Известно, что понятие семиозиса является центральным для семиотической теории Пирса, согласно которой знаки должны быть интерпретированными, чтобы быть знаками, а осуществляется это благодаря интерпретанте – переводу, истолкованию, концептуализации отношения «знак/объект» в последующем знаке при практической бесконечности этого процесса. Трактовку семиозиса как процесса, в котором нечто функционирует как знак, дает Ч. Моррис²², выделивший три измерения семиозиса (семантику, синтактику и прагматику), которые фактически выступают как различные сферы теоретического (семиотического) анализа. Полностью соглашаясь с важностью признания того, что речь идет именно о процессе, подчеркнем, что для индивидуального ракурса этого процесса необходимо уточнение: спонтанный (естественный) семиозис, обеспечивающий жизнедеятельность человека (в том числе – взаимопонимание при общении), реализуется посредством комплекса процессов, требующих выбора тех или иных стратегий и опор, благодаря которым, с одной стороны, происходит «перевод» функционирующего

²² Ч. У. Моррис, *Основания теории знаков* [в:] *Семиотика*. Москва 1983, с. 39.

в культуре знака на индивидуальный «язык» понимания и переживания содержания именуемого, а с другой стороны – ведется поиск имени, способного выступить в качестве социально признанного знака и поэтому позволяющего партнерам по коммуникации «высветить» в их перцептивно-когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере соотносимые в качестве базы для взаимопонимания. При этом подчеркнем принципиально важное положение, согласно которому семиозис как операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака, на самом деле играет роль промежуточного этапа в ходе естественного семиозиса, поскольку социально принятый знак – лишь инструмент, благодаря которому происходит «выход» на индивидуальный опыт – образ мира во всем богатстве связей и отношений, выводных знаний и оценок, вне которых знак не может функционировать как достояние человека.

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы (в первом случае мы знаем, что, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем нечто в определенных целях, во втором – нам нужно установить, что лежало за именем для кого-то другого), а взаимопонимание всегда возможно только в определённых пределах, ограничиваемых сходством предшествующего опыта (как личностного, так и общекультурного). В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале» понимания как континуума: крайние точки («пороги») такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и поэтому может увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной. Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень интерпретации, который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов. Заметим, что решающую роль при этом может сыграть тот или иной уровень обобщения, а также любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида (признание комплексности такого опыта завоевывает всё большую популярность в мировой науке). Поскольку полное совпадение индивидуального опыта у разных людей возможно лишь в ограниченном круге ситуаций, весьма удачным представляется понятие достаточного

семиозиса, введенное Х. Рутрофом²³ вместо обычно используемых процедур верификации и условий истинности.

Процесс понимания характеризуется необходимостью принятия ряда решений, вызванной отсутствием одно-однозначных междуровневых связей означающих и означаемых, с наличием многообразных внутриуровневых связей между соответствующими единицами и т.д. Более того, в отличие от описываемых словарными дефинициями лексических значений «означаемое» как достояние человека (т.е. фактически – то, что лежит за социально признанным лексическим значением) функционирует не как дискретная самодостаточная единица: посредством слова как совокупности формы и содержания осуществляется доступ к единой информационной базе человека, его памяти, в которой «высвечивается» некоторый фрагмент образа мира, благодаря чему слово переживается как понятное. В одной из моих давних работ²⁴ слово в индивидуальном лексиконе сравнивается с лазерным лучом, посредством которого происходит считывание голограммы: то, что непосредственно выходит на «табло сознания» благодаря воспринимаемому слову, подкрепляется множеством учитываемых на неосознаваемом уровне связей и отношений, а в случаях необходимости происходит перенос фокуса внимания, и по части «голограммы» мы оказываемся способными восстановить «целое», оперировать им в различных целях. Последние годы знаменуются все большим признанием роли голографической метафоры в применении к гуманитарным наукам, в том числе – к исследованиям интеллектуальной жизни человека²⁵. Более того, попытка выхода за пределы описываемого словарной дефиницией значения слова хорошо согласуется с современными концепциями теоретической физики, где на смену представлениям о первичных элементарных частицах (типа электрона) как о точечных объектах приходит представление о некоей струне – протяженном, неточечном объекте (привычные классические силы, действующие между телами, оказываются при этом лишь вторичными эффектами!); теория суперструн связывает все фундаментальные взаимодействия и элементарные частицы между собой способом, похожим на тот, которым скрипичная струна позволяет дать единое описание всех музыкальных тонов – зажимая по-разному скрипичные струны, можно извлекать самые разные звуки²⁶.

Следует особо подчеркнуть, что все обсуждаемое в рамках ситуации обращения к языковому сознанию (и подсознанию) касается именно

²³ См. подробно: H. Ruthrof, *Semantics and the body: Meaning from Frege to the postmodern*, Toronto 1997; H. Ruthrof, *The body in language*, London – New York 2000.

²⁴ А. А. Залевская, *Проблемы организации внутреннего лексикона человека*, Калинин 1977.

²⁵ См., например, В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, *Синергетика постижения сложного* [в:] *Синергетика и психология*, Москва 2004, вып. 3, с. 82–125.

²⁶ В. Тарасов, *Музыка сфер*, «Вокруг света» 2005, № 1, с. 30–40.

живого человека, познающего мир через разнообразные виды контактов с окружающей действительностью, в том числе (но не единственно, исключительно) – через общение. Последнее уточнение принципиально важно: человек как субъект процессов именованного и идентификации поименованного при таком подходе трактуется как продукт взаимодействия комплекса «начал» – индивидуального и социального, чувственного и рационального; признаётся также, что и называние, и понимание всегда связаны с переживанием именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечного этапа пользования знаком и признания того, что такая система является лишь медиатором (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземленной практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от плоскостных (в том числе «треугольных») моделей знаковой ситуации и перехода на вероятностные по своему характеру модели выбора стратегий и опор, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта, взаимодействующего с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями. Одним из возможных подходов к описанию обсуждаемых процессов может служить спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста²⁷, с помощью которой делается попытка показать динамику и многоуровневость этих процессов, а также акцентировать разнообразие связей, которые благодаря слову высвечиваются по различным основаниям в образе мира индивида. Следует отметить, что при этом мы теоретически можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, по которой «интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта»²⁸, однако с оговоркой, что в этом случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора, а у него как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов.

Следует отметить, что проблема «круга» в попытках объяснить значение слова через другие слова волнует многих исследователей. Например, Р. Барт говорит о «бесконечности» слов в языке: слово отсылает нас к другим словам, а те – снова к другим. Он ставит вопрос: «Где кон-

²⁷ См. описание этой модели: А. А. Залевская, *Понимание текста: психолингвистический подход*, Калинин 1988; см. также более поздний рисунок: А.А. Залевская, *Введение в психолингвистику*, Москва 1999, с. 246.

²⁸ У. Эко, *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*, Москва 1998, с. 53.

чаются слова? Что находится за ними?»²⁹ и отмечает, что требуется работа воображения, благодаря которой слово, как корабль, само собой пускается в плавание, устремляясь к другим словам³⁰; тем самым Барт остается в рамках того же замкнутого «вербального» круга, не выходя за его пределы. Несколько далее идет А.-Ж. Греймас, указывающий, что «... мир человека главным образом должен определяться как мир значений»³¹, а восприятие значения базируется на способности восприятия как неязыкового основания, отсюда «... семантика открыто признается попыткой описания мира чувственно воспринимаемых свойств»³².

Допустимо ли использование при лингвистическом анализе и описании языка понятий, которые разработаны другими науками для других целей? Но если мы говорим о целостном подходе к включенному в социум человеку, то вообще меняются представления о системе и структуре, вытекающие из современных общенаучных представлений об устройстве мира и о действующих в нём законах.

4. Выводы

Возможны два пути дальнейшего развития науки о языке: (1) продолжение «борьбы» за «чистоту» лингвистики, но в таком случае необходимо отказаться от декларирования недостижимых целей и постановки задач, решение которых только лингвистическими методами попросту невозможно; (2) признание того, что на современном этапе искусственная изоляция языковедения от смежных дисциплин уже ушла в *Plusquamperfekt* мировой науки, а постановка задачи исследования реального функционирования языка как проявления «фактора человека» требует перехода на новую систему координат. Такой переход фактически начался давно, но, не сбросив вериги привычных постулатов, нельзя сделать решающий шаг вперед: происходят подмена понятий и жонглирование новыми терминами, создается обманчивое впечатление современности исследования и его якобы теоретической значимости.

Homo Loquens in Modern Science Perspective

The integration of sciences is necessary for multidimensional exploration and explanation of language functioning in real semiotic situations. Word meaning identification is only a step mediating a further search for personal interpretation in the process of spontaneous semiosis.

²⁹ Р. Барт, *Система моды. Статьи по семиотике культуры*, Москва 2004, с. 501.

³⁰ Там же, с. 502.

³¹ А.-Ж. Греймас, *Структурная семантика: поиск метода*, Москва 2004, с. 5.

³² Там же, с. 11.